

Длинный коридор тянулся в обе стороны. Одинаковые окна и двери повторялись, словно скопированные и вставленные, плотными рядами уходя от нижних этажей к верхним. Нижняя половина стены с внутренней стороны коридора была облицована плиткой. Через равные промежутки на ней виднелись простые рисунки: линии имитировали фактуру воскового мелка и детский почерк, складывались в голубое небо, белые облака, зелёные деревья и траву, радугу и домики.

Цзян Лэ шёл дальше, ступая легко и тихо, и оглядывал всё по пути. В какой-то момент рядом с ним внезапно открылась дверь, и из комнаты вышел обладатель способности того же уровня, что и Е Сяо. Эта комната находилась совсем недалеко от жилья Тан Дагана и Е Сяо. Обычно такие соседи, встречаясь каждый день, должны были хотя бы здороваться. Однако, увидев Е Сяо, тот человек остался совершенно бесстрастен и равнодушно прошёл мимо.

В этой бесстрастности не было враждебности. Скорее, полное безразличие, будто между ними вообще не существовало никаких лишних связей. Такое же безразличие присутствовало и в обрывочных воспоминаниях Е Сяо, которые мутировавший женьшень передал Цзян Лэ. Кроме общения с Тан Даганом, они и к другим людям особой теплоты не проявляли.

Похоже, общежитие считалось чем-то вроде половинчатой семейной единицей. А тепло и любовь к семье были словно программа, вшитая в гены этих обладателей способностей.

По переходу Цзян Лэ пересёк пустую площадь и добрался до медицинского корпуса напротив. У входа здесь не было охраны, зато стояла стеклянная дверь. Она была плотно закрыта, а сбоку находился считыватель пропусков.

Охрана, медсёстры, ходившие между этажами, обладатели способностей, стоявшие в общежитии напротив, — Цзян Лэ чувствовал в этом пространстве множество человеческих перемещений. И всё же почти никто не издавал ни звука. А когда он остановился перед считывателем, со стороны охраны на него упал внимательный взгляд.

Цзян Лэ достал рабочую карту Е Сяо и приложил её к считывателю. Раздался короткий писк, стеклянная дверь открылась. Взгляд за спиной тут же исчез. Цзян Лэ шагнул внутрь здания.

Первый этаж здесь напоминал общежитие напротив: столовая, центр досуга, читальный зал и зал для просмотра фильмов. В столовой ещё не наступило время работы, зато в остальных комнатах поодиночке находились люди.

Цзян Лэ остановился у двери читального зала. Дверь не была заперта. Он легко толкнул её, и она открылась. Несколько обладателей способностей в больничной одежде стояли за разными книжными стеллажами и выбирали книги. Ещё несколько человек сидели на диванах у окна и тихо читали то, что держали в руках. Лишь изредка слышался шорох переворачиваемых страниц.

Среди них были мужчины и женщины, уровни способностей у всех отличались. Общее у них было одно: отметки уровней выглядели как-то серовато. Они сильно отличались от настоящего, плотного чёрного цвета, каким отметки обычно и должны были быть, будто в чернила подмешали воду и силой увеличили объём.

Однако взгляд Цзян Лэ быстро скользнул по книгам в их руках. Кто-то читал книгу с рецептами домашних блюд, кто-то детскую книжку, кто-то небольшую энциклопедию домашнего ухода за здоровьем. В общем, всё было очень приземлённым, без какого-либо глубокого содержания.

Краем глаза Цзян Лэ заметил библиотекаря, сидевшего у двери. Тот не читал, а только равнодушно окинул Цзян Лэ взглядом. Это был взгляд человека, оценивающего чужака, словно Цзян Лэ вообще не должен был здесь появляться.

— Если вы ищете рожениц, они на третьем этаже, — холодно произнёс библиотекарь, будто это была единственная причина, по которой Цзян Лэ мог оказаться в этом месте.

Когда прозвучали его слова, все читавшие обладатели способностей один за другим подняли головы и посмотрели на Цзян Лэ. На затылке у каждого без исключения была приклеена медицинская марля, словно все они разделяли одну и ту же рану.

Цзян Лэ, не меняясь в лице, сказал библиотекарю:

— Спасибо.

Затем отступил назад, вышел и мягко закрыл дверь.

Даже через стеклянное окно Цзян Лэ по-прежнему ощущал, как люди в комнате провожают его взглядами. Только когда его фигура полностью исчезла из дверного проёма, эта слежка оборвалась.

В соседнем зале для просмотра фильмов шёл фильм. Шторы в помещении были плотно задёрнуты, почти единственным источником света оставался большой экран. Цзян Лэ вошёл через заднюю дверь. Его появление не потревожило никого. В рядах кресел сидели редкие зрители. Все они подняли головы и внимательно смотрели на изображение на экране.

На экране шёл анимационный фильм о мире мёртвых. Его главная тема сводилась к тому, что настоящая смерть наступает лишь тогда, когда тебя забывают, и рассказывала историю о семейном тепле.

В дрожащих, неясных бликах изображения Цзян Лэ медленно провёл рукой по висевшему на стене списку фильмов и один за другим мысленно прочитал названия. Разные подборки вращались вокруг примерно одной и той же темы: от ужасов до комедий, всё исходило из любви и воссоединения, семьи и исцеления.

Люди, смотревшие фильм, были примерно такими же, как обладатели способностей из читального зала. Цзян Лэ несколько секунд молча наблюдал за ними, затем вышел тем же путём, каким вошёл.

У лестницы между первым и вторым этажами стоял ещё один пропускной пункт. Навстречу Цзян Лэ со второго этажа спустилась женщина в одежде медсестры. Она остановилась прямо перед ним, но смотрела не на его лицо, а на рабочую карту в его руке. Затем её взгляд отступил на дюйм назад. Она ждала, когда Цзян Лэ приложит карту.

Цзян Лэ поднял рабочую карту и, как обычно, приложил её к считывателю. Но на этот раз карта не сработала. На экране высветилась подсказка: «Ошибка данных!»

Взгляд медсестры мгновенно изменился. Её рука тут же потянулась к красной кнопке рядом со считывателем, но прежде чем она успела коснуться кнопки, её движение внезапно остановилось. Женщина застыла на месте, словно система дала сбой. Через секунду-другую она снова посмотрела на Цзян Лэ. Враждебность из её взгляда исчезла без следа. Она сама достала из-за пазухи свою рабочую карту и приложила её к считывателю с внутренней стороны. Предупреждение об ошибке на экране тут же пропало, стеклянная дверь медленно

открылась.

— Простите, господин. Я не знала, что вы пришли проверить оборудование больницы.

Эта медсестра была чистым обычным человеком. Мутировавшему женьшеню хватило самого лёгкого приказа, чтобы её мозг самостоятельно нашёл разумное объяснение поступкам Цзян Лэ.

Цзян Лэ вежливо улыбнулся ей.

— Ничего страшного. Но я здесь не слишком хорошо ориентируюсь. Не могли бы вы провести меня и заодно коротко рассказать о здешних помещениях и оборудовании? Большое спасибо.

— Конечно.

Медсестра развернулась, мягко указала рукой вперёд и сказала:

— Пожалуйста, идите за мной.

Стеклянная дверь за их спинами медленно закрылась. Шаги двоих исчезли на лестнице и вскоре раздалась уже в коридоре.

Второй этаж целиком был связан с родами и послеродовым уходом. Здесь даже находились развлекательные зоны для детей разных возрастов.

Медсестра объясняла:

— Пока эта зона ещё не введена в полноценное использование, но через несколько месяцев здесь начнётся период пиковой нагрузки.

На её лице держалась мягкая улыбка. Когда она говорила об этом, в её глазах вспыхнул свет, полный надежды.

— Сейчас большинство беременных, которые приходят на обследования и уход, живут на третьем этаже. Пожалуйста, пройдёмте со мной.

Они прошли ещё один пропускной пункт. Цзян Лэ последовал за медсестрой на третий этаж. Здесь одна за другой шли палаты, в основном двухместные. Через стеклянные окошки в верхней части дверей можно было увидеть: в некоторых комнатах на кроватях лежали пациентки. Из-за задёрнутых штор разглядеть их полностью было невозможно, но по дыханию и ауре можно было определить, что почти все они обычные женщины. Иногда среди них попадалась и женщина с пробуждённой способностью.

Однако атмосфера в разных палатах разительно отличалась. От кого-то исходили лёгкость и радость, кто-то был полон скорби и даже отчаяния. В чём именно заключалось это различие?

Цзян Лэ заметил только, что в глазах медсестры, когда она смотрела на них, было много жалости и поддержки.

Цзян Лэ стоял за спиной медсестры. Через занавеску он видел лишь очертания человека на больничной койке под одеялом и слышал тихие всхлипы. У изножья кровати висела папка с документами. Пока медсестра не обращала внимания, Цзян Лэ небрежным движением убрал две папки из той палаты в пространство.

Этажом выше картина снова изменилась. Здесь уже не было обычных людей. Большинство составляли мужчины-обладатели способностей. Через стеклянные окошки было видно: кто-то спал, кто-то, похоже, только что очнулся после какого-то глубокого сна.

Но взгляд медсестры на них совсем не походил на тот, которым она смотрела на беременных. Он почти не задерживался и сразу скользил дальше.

Выше находился ещё один этаж, но у лестницы медсестра тоже замялась.

— Сюда у меня нет допуска. Я могу позвать для вас руководителя?

Цзян Лэ мягко покачал головой и тепло сказал:

— Вы и так меня очень выручили. Дальше я сам немного осмотрюсь. Вы можете пока заняться своими делами. Примерно через полчаса встретимся у пропускного пункта на этом этаже, хорошо?

Под влиянием мутировавшего женьшеня медсестра не почувствовала в этом ничего странного. Она кивнула Цзян Лэ и ушла.

После её ухода Цзян Лэ наугад открыл дверь пустой палаты и сел в углу, который нельзя было увидеть через окошко в двери. Из пространства он достал две папки, взятые ранее.

В папках были зажаты несколько листов. На них значилась информация о пациентках и их текущее состояние, но там не было сведений, на которые рассчитывал Цзян Лэ, — таких, по которым с первого взгляда можно было бы понять, что именно подразумевается под уходом и обследованиями. В документах стояла только отметка: успешно или неудачно. Что именно прошло успешно, а что провалилось, разобрать было уже невозможно.

Цзян Лэ закрыл папку и посмотрел на дверь в другом конце комнаты. Он поднялся и подошёл ближе. Это была раздвижная дверь на балкон. Цзян Лэ отщёлкнул замок. Дверь на роликах очень легко отъехала в сторону. Балкон был всего три-четыре квадратных метра. Но никакого вида оттуда не открывалось: прямо позади к зданию вплотную подступал склон горы, а край балкона был загорожен противокражной решёткой. Почти бесполезная декорация.

Однако Цзян Лэ поднял голову и по щели между решёткой и горной стеной определил: пусть проход и узкий, но человеку вполне хватит места, чтобы протиснуться вдоль стены. Материал решётки не был особенным, обычная нержавейка времён до апокалипсиса. С запястья Цзян Лэ вытянулась дочерняя лоза. Она легко обвила решётку, и нержавеющей сталь бесшумно расплавилась, как вода, каплями стекая на пол.

Цзян Лэ выбрался наружу через образовавшееся квадратное отверстие. На горной стене лежал тонкий, как крыло цикады, воздушный барьер. Малейшее движение могло его потревожить. Но Цзян Лэ, словно маленькая рыбка, ловко скользнул мимо и не вызвал ни малейшей реакции.

Стена была почти гладкой, но под пальцами Цзян Лэ всё равно легко поддавалась хватке. Он проследил за разными дыханиями и запахами, нашёл пустую палату на верхнем этаже и точно так же проник внутрь через балкон.

В отличие от палат ниже, за дверью этой палаты была маленькая занавеска. Снаружи совершенно невозможно было увидеть, что происходит внутри.

В комнате никого не было, но запахи людей, которые находились здесь прежде, ещё не успели

рассеяться. Цзян Лэ принюхался и обнаружил, что в этих запахах смешалось множество сложных оттенков: обычные люди, обладатели способностей, даже зомби. Всё переплеталось друг с другом так тесно, что почти невозможно было разделить. Но помимо этого больше всего здесь было мёртвой энергии.

Мёртвая энергия наслаивалась снова и снова, будто уже пропитала каждый предмет в комнате. Вдруг за дверью послышались человеческие голоса. Входить сюда никто не собирался: люди просто проходили мимо.

Цзян Лэ стоял за дверью палаты и смотрел наружу через узкую щель между занавесками на маленьком окошке. Две медсестры спешно катили транспортировочную каталку. Человек на ней, похоже, уже умер: тело было полностью накрыто белой тканью от головы до ног. Однако при движении каталки сбоку показалась бледная рука. На запястье виднелись глубокие следы от верёвок. Было ясно, что при жизни этот человек долгое время находился связанным.

Когда обе медсестры ушли тем же путём, Цзян Лэ вышел из палаты. С высоты пятого этажа можно было хорошо рассмотреть расположение охраны внизу. В тот миг, когда один из охранников повернул голову, фигура Цзян Лэ мелькнула и уже оказалась в конце коридора, не привлекая ничьего внимания.

Там находилась огромная комната. Тело, которое только что привезли две медсестры, доставили именно сюда. Таких тел в помещении было больше одного. Но это место не выглядело постоянным моргом. Скорее временным пунктом передачи.

Цзян Лэ осторожно приподнял белую ткань с ближайшего тела — того самого, которое медсестры только что привезли. В тот миг, когда ткань поднялась, его взгляд чуть изменился. Он видел этого человека раньше. Это был один из обычных людей, которые несколько дней назад ели вместе с Лю Тяньяном в ресторане внешнего города Дунфана.

Если этот человек оказался здесь, то где Лю Тяньян, привезённый вместе с ними?

Хотя тело уже перенесли сюда и оно всё было наполнено мёртвой энергией, его руки и ноги по-прежнему крепко связывали, словно кто-то чего-то опасался.

Что до причины смерти, Цзян Лэ взял его за подбородок и слегка повернул голову. Тело всё ещё было мягким. Похоже, умер он совсем недавно. Как и у обладателей способностей, которых Цзян Лэ видел на нижних этажах, задняя часть его шеи была закрыта медицинской марлей, будто он пережил какую-то операцию на черепе.

Цзян Лэ присел вполоборота и осматривал рану. Внезапно хлопковая марля перед его глазами медленно шевельнулась. Следуя приказу хозяина тела, шея, повернутая в сторону, начала выпрямляться. Это выглядело так, будто человек снова ожил.

Цзян Лэ поднял глаза. В каких-то четырёх-пяти сантиметрах от него труп, который уже должен был быть мёртв, неизвестно когда открыл глаза и медленно повернул к нему голову. Их взгляды встретились. Глаза человека были мутными, без фокуса, изо рта вырывалось хриплое дыхание.

Но инстинкт зомби заставил его мгновенно зафиксироваться на добыче. Он начал бешено дёргаться, резко мотнул головой, и его зубы едва не скользнули по щеке Цзян Лэ. Его рывки заставили всю каталку с треском дрожать. Путы на руках и ногах сильно деформировались, будто вот-вот могли лопнуть.

От этих судорожных движений зомби сработало сигнальное устройство сбоку каталки. У двери раздался звонок тревоги. Он был не очень громким, но достаточно явным, чтобы насторожить людей на этом этаже.

Цзян Лэ лишь равнодушно поднялся. Он небрежно вернул белую ткань, которую сам же приподнял, обратно на лицо зомби. Затем, не обращая внимания ни на его борьбу, ни на быстро приближающиеся снаружи шаги, спокойно прошёл за одну из занавесок в комнате. В тот миг, когда дверь распахнулась, он уже скрыл свою фигуру.

— Какая же мерзость, бесполезный мусор. Почему он так быстро обратился? — пожаловалась медсестра, а затем с едкой насмешкой добавила: — Зато поздравляю: у тебя снова появилась экспериментальная ценность.

— Сяолин, не говори так, — сказала другая. В её голосе было больше оптимизма. — Может быть, ему ещё станет лучше.

Вторая достала шприц и ввела в тело зомби неизвестный препарат. Зомби, до этого яростно дёргавшийся, постепенно словно лишился сил и затих. После этого они вдвоём увезли только что доставленное тело обратно и уехали на лифте у двери.

Лифт существовал только на пятом этаже. Если не подняться сюда, узнать о его наличии было бы просто невозможно. Кроме того, снаружи здесь были видны только палаты, без какого-либо оборудования и помещений для операций. Очевидно, все эти вещи находились в ещё более скрытых местах.

Эти несколько зданий были лишь поверхностной частью. Настоящие тайны скрывались в более секретном подземном комплексе.

Цзян Лэ немного раскрыл восприятие, позволив ему растечься по пятому этажу и пройти через каждую палату. Убедившись, что Лю Тяньяна здесь нет, он тем же путём, через две палаты, вернулся на этаж ниже. До времени, о котором он договорился с медсестрой, оставалось ещё около десяти минут. Цзян Лэ немного подождал и только потом вышел из палаты.

Та медсестра действительно ждала его там. Увидев Цзян Лэ, она улыбнулась, открыла пропускной пункт и сказала:

— У вашей жены такой ответственный муж. Она, должно быть, очень счастлива. Надеюсь, вы как можно скорее выносите своего здорового малыша.

Цзян Лэ шёл за медсестрой и спросил:

— Подскажите, а какие примерно показатели считаются здоровыми?

Медсестра, не оборачиваясь, тёплым голосом сказала:

— Конечно, чем нормальнее, тем лучше. Тогда после рождения ребёнку потребуется меньше коррекции и ухода.

Пока они говорили, они уже дошли до второго этажа. Медсестра открыла для Цзян Лэ последний пропускной пункт, проводила его взглядом, пока он проходил через стеклянную дверь, снова кивнула ему и только затем развернулась и пошла наверх.

Цзян Лэ никогда не думал, что слово «коррекция» может применяться к человеку. Даже не зная, какова цель Сян Пина, он всё равно ощутил, как в груди поднимается странное чувство, будто тело заранее готовится принять какой-то удар.

Покинув медицинский корпус, Цзян Лэ оставалось исследовать на поверхности только одно здание: чуть более низкое и куда более закрытое.

В тот же миг, когда Цзян Лэ перевёл на него взгляд, в одной из комнат этого здания Лю Тяньян с большим удовольствием лежал на кровати и пультом перематывал фильм на экране. Рядом с ним стояла тарелка свеженарезанных фруктов. Вид у него был такой, будто он приехал сюда в отпуск.

В первый же день после прибытия его разлучили с попутчиками. Сначала Лю Тяньян ничего не понимал. Они вместе приехали сюда, чтобы пройти операцию по превращению в обладателей способностей. Увидев, что его спутников увели в медицинский корпус, Лю Тяньян решил, что его отсеяли, и чуть не взбесился. Но неожиданно его тут же доставили сюда, а на следующий день принял один мужчина с чрезвычайно внушительной манерой держаться. Тот, похоже, заранее знал о родстве Лю Тяньяна и Цзян Лэ и в разговоре даже дал понять, что надеется: Лю Тяньян поможет навести мост между ним и Цзян Лэ.

Поначалу Лю Тяньян не удержался и немного прихвастнул, приукрасив свои отношения с Цзян Лэ. Но, пожив здесь какое-то время, он постепенно начал чувствовать себя немного виноватым. На самом деле нетрудно было догадаться, какие именно отношения у их отца с Цзян Лэ. Будь они действительно хорошими, разве Цзян Лэ не забрал бы их с собой жить припеваючи?

Стоило подумать об этом, как виноватость Лю Тяньяна снова превратилась в злость. Цзян Лэ и правда был совсем бессовестным. Как ни крути, его отец был и отцом Цзян Лэ, а сам Лю Тяньян был его младшим братом. И этот человек спокойно сам там ест вкусно, пьёт сладко, а их бросил на 1-й базе и знать не желает.

Поэтому последние два дня Лю Тяньян ел и пил без всяких ограничений, решив потом повесить все эти счета на Цзян Лэ. Правда, просидев здесь подольше, он начал скучать.

Он доел последний кусочек яблока, политый мёдом, выключил телевизор и повернул голову к двери. С тех пор как он оказался здесь, он почти не выходил из комнаты. Стоило ему нажать кнопку в комнате, и сразу приходил человек, приносящий всё, что ему нужно.

Раз уж в этой комнате так хорошо, снаружи должно быть не хуже?

Лю Тяньян поднялся с дивана, обул туфли, которые сам же небрежно зашвырнул в угол, тихо повернул ручку двери и, как вор, осторожно выглянул в обе стороны коридора. Коридор здесь был отгорожен до самого потолка и полностью изолирован от внешнего мира. Когда Лю Тяньяна привезли сюда, он слишком нервничал и не присматривался. И только теперь, выйдя из комнаты, впервые по-настоящему осмотрел обстановку здания, где прожил несколько дней.

На поверхности он находился как будто на втором этаже, но, глядя на лестницу, непрерывно уходившую вниз, Лю Тяньян уже не мог понять, на каком этаже он на самом деле.

По планировке это здание напоминало обычный жилой дом: на каждом этаже были отдельные комнаты, гостиная и санузел. На этаже, где жил Лю Тяньян, комнат было несколько, но заселён был только он.

Поскольку дом был полностью закрытым, солнечный свет снаружи вообще не проникал внутрь.

Лишь настенные светильники через определённые промежутки давали слабое освещение.

Лю Тяньян держался за перила и в полумраке заметил на стене выключатель. Он протянул руку и нажал.

Щёлк.

Лестница наконец осветилась ярким отрезком света.

Лю Тяньян медленно пошёл вниз. На повороте он поднял голову и посмотрел на висевшую на стене картину: мужчина толкал огромный камень к вершине горы.

В голове у Лю Тяньяна было пусто. Он только почувствовал, что ничего в этом не понимает, и равнодушно отвёл взгляд.

Общая планировка этажом ниже была примерно такой же, как на этаже Лю Тяньяна, просто там никто не жил. Он мельком огляделся и продолжил спускаться ещё ниже.

Наверное, потому что после выхода он не увидел и не услышал ни единого человека, Лю Тяньян постепенно осмелел. Свет на лестнице по пути загорался один за другим, а он всё дальше уходил от своего исходного этажа.

Только когда лестница перестала вести вниз, перед ним появился лифт. Тогда Лю Тяньян понял, что спустился уже на четыре-пять этажей. У лифта была только кнопка вниз. Лю Тяньян нажал её как попало и неожиданно увидел, что двери сразу открылись.

Серебристая кабина лифта и белые лампы наверху, лившие вниз холодный свет, невольно заставили Лю Тяньяна отступить на шаг. Ему стало не по себе.

Но любопытство быстро подавило все опасения.

С того момента как он вошёл на базу Дунфан, всё, что он ощущал, было упорядоченным и близким к жизни до апокалипсиса. К тому же местные руководители относились к нему очень вежливо. Что плохого могло случиться в таком месте?

Если бы они действительно не хотели, чтобы люди спускались вниз, разве здесь не висели бы таблички? Разве никто не вышел бы его остановить? Чем больше Лю Тяньян думал, тем сильнее убеждал себя, что всё именно так. Даже если он случайно забредёт куда не надо, достаточно будет сказать им, что он просто ошибся.

Поэтому, прежде чем двери лифта закрылись, Лю Тяньян нырнул внутрь. На лице у него при этом висела глуповатая улыбка.

В лифте была новая панель этажей. Этаж, где находился Лю Тяньян, считался первым. Ниже шли минус первый, минус второй и так далее вплоть до минус пятого.

Лю Тяньян хотел сразу спуститься на минус пятый и посмотреть, что там, но кнопки в лифте никак не реагировали на нажатия. Единственное, что он мог нажать, был минус первый. Для всего остального требовалась карта.

Лю Тяньян скривил губы и смог нажать только минус первый. Лифт загудел и медленно пошёл вниз.

Через несколько секунд движение прекратилось. Двери лифта открылись перед Лю Тяньяном.

Картина перед ним совсем не походила на жилую планировку наверху. Вперёд тянулся чёрный провал коридора, похожий на разинутую пасть, готовую его проглотить. Лю Тяньян нерешительно замер.

Но очень скоро, словно почувствовав открывшиеся двери лифта, в тёмном коридоре внезапно зажглись лампы. Начиная от лифта, они вспыхивали одна за другой и гнали тьму всё глубже внутрь.

Тёплый оранжевый свет развеял желание Лю Тяньяна отступить. Раз он уже дошёл сюда, разворачиваться назад было бы слишком жалко. Лю Тяньян подбодрил себя в душе, сжал кулаки и, прежде чем двери лифта закрылись, выпрыгнул наружу.

Перед ним был коридор, единственный путь в этом месте. Лю Тяньян мог идти только вперёд. По обе стороны стен располагались несколько дверей.

Лю Тяньян с любопытством толкнул одну из них и обнаружил, что это холодильная камера. Внутри оказалось бесчисленное множество еды: от разных долго хранящихся фруктов до закусок, а ещё кола, кокосовое молоко и другие напитки. Всё было разложено по категориям и почти напоминало маленький супермаркет. Слюна у Лю Тяньяна тут же прилила ко рту. Он нетерпеливо бросился вперёд, открыл бутылку колы и сделал несколько больших глотков. Мгновенно поднявшееся чувство удовлетворения заставило его невольно прищуриться.

Выйдя из этой холодильной камеры, он толкнул дверь напротив и не удержался от возгласа. То, что находилось здесь, нравилось ему ещё больше. В огромной морозильной комнате хранилось много мяса и большие брендовые ведёрки мороженого: разные вкусы, разные упаковки. Лю Тяньян нашёл ведёрко с любимым вкусом, открыл, зачерпнул пару ложек, а потом просто прихватил всё ведёрко с собой и пошёл дальше, по дороге продолжая есть.

Похоже, этот этаж использовали для хранения еды. Лю Тяньян думал об этом, а ноги уже остановились у последней двери в глубине. Он потёр ладони, гадая, какие вкусности могут лежать внутри.

Без всяких колебаний он повернул ручку. Свет в комнате был выключен. По температуре здесь, кажется, было как в обычном помещении. Лю Тяньян втянул носом воздух и почувствовал какой-то непонятный запах. В нём будто примешивалась лёгкая кровавая нота. Одновременно с тем, как он открыл дверь, изнутри донеслось несколько приглушённых человеческих стонов.

Лю Тяньян не слишком хорошо расслышал и смог только определить: похоже, звук издавали люди. Он тут же выпрямился. На лице возникло выражение человека, пойманного на месте преступления.

— Простите, я не знал, что здесь кто-то есть. Я случайно спустился.

Что до мороженого и колы в его руках, Лю Тяньян считал, что другая сторона, наверное, не станет возражать, если он это съел. Говоря, он уже хотел выйти. Но из комнаты по-прежнему не последовало никакого ответа. Напротив, стоны стали громче, поднимаясь один за другим, словно их издавал не один человек.

Только теперь Лю Тяньян почувствовал, что что-то не так. При свете из коридора он заметил выключатель на стене. Лю Тяньян медленно протянул онемевшую от ведёрка мороженого руку и щёлкнул выключателем.

В тот же миг открывшаяся ему картина едва не заставила Лю Тяньяна обмочиться прямо на месте.

<http://bllate.org/book/17649/1691119>